

Н.А. Морозов

**Христос. История
человеческой культуры в
естественно-научном
освещении**

**Том 1. Небесные вехи земной
истории человечества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н.А. Морозов**
Христос. История человеческой культуры в естественно-научном освещении:
Том 1. Небесные вехи земной истории человечества / Н.А. Морозов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 575 с.

ISBN 978-5-518-06824-7

Пора бросить, наконец, раз и навсегда идею, что в евангельском учении, проповедуемом от имени Христа, заключаются только высокие моральные истины. На деле их там очень мало и, наоборот, масса евангельских внушений носит прямо противокультурный, а иногда даже и противоестественный характер

ISBN 978-5-518-06824-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

развивал мысль о сложном строении атомов и этим обосновывал сущность периодического закона строения химических элементов. В ней он отстаивал предположение о возможности разложения атома, которое в то время большинству физиков и химиков казалось неубедительным, так как для этого утверждения еще не было достаточных экспериментальных доказательств. По представлению Д. И. Менделеева за эту работу ему была присуждена ученая степень доктора химии *honoris causa* Петербургского университета.

Когда результаты его научных работ стали известны обществу, он был избран членом Русского физико-химического общества, Русского астрономического общества, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, профессором аналитической химии в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта, постоянным членом Французского астрономического общества (*Societe astronomique de France*) и постоянным членом Британского астрономического общества (*British astronomical association*), председателем Русского общества любителей мирведения, почетным членом Московского общества испытателей природы.

Н.А. Морозов вел большую лекционную работу в различных городах России и за границей, читал лекции по химии, астрономии и воздухоплаванию.

Кстати Н. А. Морозов был одним из пионеров научного воздухоплавания в России, получил звание пилота, был председателем комиссии научных полетов, читал лекции о научном и культурном значении авиации, сам не раз летал на первых аэростатах и самолетах. Был избран действительным членом, а в 1917 г. членом совета и заместителем председателя Всероссийского аэроклуба. И это в 60 лет!

В 1911 году его осудили на один год заключения за стихи, напечатанные в сборнике "Звездные песни". В исполнение этого приговора он был заключен в Двинскую крепость, где написал целый ряд научных и литературных работ.

Во время первой мировой войны, в 1915 г., Н.А. Морозов отправился на фронт в Польшу и здесь, на передовых позициях, в качестве делегата Всероссийского земского союза оказывал активную помощь больным и раненым. Свои воспоминания и мысли о войне он отразил в книге очерков "На войне", изданной в 1916 г.

После революции и до самой своей смерти он был директором и заведующим астрономическим отделением Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта, который он создал на базе С.-Петербургской биологической лаборатории, где он работал по приглашению основателя этой лаборатории П.Ф. Лесгафта после выхода из Шлиссельбургской крепости.

В 1923 году постановлением Совнаркома СССР за заслуги перед революцией и наукой его родовое имение Борок было передано ему в пожизненное пользование. Через восемь лет после этого он передал в ведение Академии наук СССР большую часть имения Борок, где был организован Дом труда и отдыха Академии наук СССР, а когда приняли решение о создании Рыбинского водохранилища, на берегу которого должно было оказаться имение Морозова, по его инициативе в Борке была создана Верхне-Волжская база Академии наук СССР, и Н. А. Морозов избран ее почетным председателем.

В 1932 году он был избран почетным членом Академии наук СССР, а через два года по случаю его 80-летнего юбилея ему присвоили почетное звание заслуженного деятеля науки и его именем была названа малая планета.

В связи с 85-летием со дня рождения и за заслуги перед трудящимися как революционера и ученого Н.А. Морозова наградили орденом Трудового Красного Знамени, а в связи с 90-летием со дня рождения и за выдающуюся многолетнюю научную деятельность в области естествознания его наградили орденом Ленина. Совет Народных Комиссаров СССР учредил стипендии имени Н.А. Морозова по астрономии, физике и химии. Через год в связи с 220-летием Академии наук СССР его наградили вторым орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии науки и избрали членом Ученого совета Института истории естествознания АН СССР.

В последние годы жизни он работал над фундаментальным трудом "Теоретические основы геофизики и метеорологии", в котором показал, что воздействие Галактики на метеорологические и геофизические процессы Земли имеет закономерный характер и очень велико. (Работа не издана до сих пор.)

В конце 1944 года, будучи уже 90-летним стариком, он прислал секретарю химического отделения АН СССР С.И.Вольфовичу из Борка такое письмо: "...У меня тотчас после открытия циклотронов появился проект новой работы, но я по уши был погружен последние годы в геофизические соображения и не знаю, когда освобожусь от большого моего теперешнего труда "Основы теоретической геофизики"... Но, несомненно, через год или около этого наступит и для меня возможность приняться и за циклотронные явления, и я не применю это сделать, если другие исследователи не сделают выводов, представляющихся моему воображению, ранее, чем я успею освободиться от своих современных геофизических и метеорологических работ".

Свой жизненный путь он закончил 30 июля 1946 года там же, где и родился, - в Борке. Его похоронили рядом с домом, где он родился и жил, а в самом доме открыли его мемориальный музей под эгидой АН СССР.

История создания работы "История человеческой культуры в естественно-научном освещении". ("Христос").

Считается, что начало этой работы относится к 1882 году, когда после долгого нахождения в одиночной камере Алексеевского рavelина Н.А. Морозову разрешили читать книги. Его первой книгой была "Библия" на французском языке, оставшаяся еще от сидевших здесь декабристов. Первое, что он начал читать, было "Откровение Иоанна Богослова" или "Апокалипсис". Он давно хотел заняться этим текстом, считая его одним из самых загадочных во всей "Библии". После тщательного изучения он пришел к заключению, что здесь даны вовсе не фантастические картины, а чрезвычайно яркое и поэтическое описание страшной грозы, пронесшейся над островом Патмосом, с изображением всего виденного автором на небе в это время. И главное, там были даны точные данные местонахождения планет, позволяющие вычислить дату написания книги - 30 сентября 395 года.

На самом деле к вопросу о естественнонаучных основаниях истории он обращался и ранее, лет за десять до этого, если следовать автобиографическим

запискам Н.А. Морозова. Просто все предыдущие попытки были утеряны, а работа над "Апокалипсисом" увидела свет в 1907 году в виде книги "Откровение в грозе и буре". Она вызвала большой интерес в обществе и в том же году вышло второе ее издание, а в 1912 году ее немецкий перевод в Германии.

В 1909 году Н.А. Морозов выпустил небольшую книжку "В поисках философского камня" посвященную истории химии. Он всегда стремился изучать историю по первоисточникам, причем всегда относился к ним критически. Так и в этом случае, принявшись за написание книги, он прежде всего подверг критическому анализу исторические манускрипты, освещавшие важнейшие факты из истории развития химии. Оказалось, что все, что мы знаем о сочинениях древних авторов, почти целиком берется современными историками из сборников XV, XVI и XVII веков, т. е. от лиц, живших через целую тысячу лет после смерти цитируемых ими писателей. А это значит, что нужно провести большую работу, чтобы разобраться в исторических первоисточниках древней истории.

В 1912 году Н.А. Морозов был заключен в Двинскую крепость за опубликование в сборнике "Звездные песни" пяти стихотворений революционного характера.

Это время своего последнего заключения Морозов использовал для изучения древнееврейского языка (двенадцатого из тех, которые он знал), интересовавшего его в связи с историческими исследованиями. И помимо других работ он написал там книгу "Пророки", являющуюся продолжением его "Откровения в грозе и буре"

Дальнейшее тщательное изучение Библии привело Морозова к убеждению, что все "Пророки" написаны под непосредственным влиянием Апокалипсиса, вплоть до того, что их сюжеты, аллегории, даже самые образы и отдельные выражения повторяются в каждом из "Пророков" как слабые раскаты того сильного грома, каким прогремел Апокалипсис. Следовательно они принадлежат уже к V веку нашей эры, а не написаны за тысячу лет ранее, как считали до этого. Кроме того имена "пророков" - не имена авторов, а просто заголовки книг. Так Иеремия означает "Осилит Бог", Захария - "Помни, Грядущий", Исайя - "Грядущее освобождение" и так далее. Издать книгу удалось только в 1914 году.

После этого ему пришлось прервать на время свои исследования по истории, так как официальные власти стали выражать неудовольствие работами, подрывающими основы веры.

После революции Н.А. Морозов посчитал, что настало время для его исторических исследований. Причем это могло стать не его личным делом, а предметом исследования большого научного коллектива. В 1918 году он был избран директором вновь созданного на базе "Биологической лаборатории имени П.Ф. Лесгафта" "Научного института имени П.Ф. Лесгафта" с 12 отделениями, одно из которых, Астрономическое, он возглавил сам и в план его работ включил исследование исторических вопросов.

В это время Морозов с увлечением работал над большим фундаментальным трудом "История человеческой культуры в естественно-научном освещении". Но его опять ждало разочарование. Его работа не была нужна и новой власти. К изданию этой книги были подключены А.В. Луначарский, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский. Естественно, никто из них его книгу не читал, но только вмешательство последнего сдвинуло дело с мертвой точки, причем так, что оно

способствовало изданию всех семи, первично заявленных томов. Хотя достаточно быстро новая власть поняла, что его работа вредна и для них, так как делает подкоп под основы марксизма о смене экономических формаций.

Название "Христос" появилось так. Заведующий Ленгосиздатом нашел, что заглавие труда, предложенное автором, мало заинтересует неспециалистов, и предложил дать другое. Так как в первых томах дело шло главным образом о культуре христианского периода, то всю работу и назвали "Христос". Под этим названием с 1924 по 1932 год вышло 7 больших томов, около 5 тысяч страниц: первый в 1924 году - "Небесные веки земной истории человечества", второй в 1926 году - "Силы земли и небес", третий в 1927 году - "Бог и слово", четвертый в 1928 году - "Во мгле минувшего при свете звезд", пятый в 1929 году - "Руины и приведения", шестой в 1930 году - "Из вековых глубин", седьмой в 1932 году - "Великая РOMEя. Первый светоч средневековой культуры". Причем в 1927 году вышло второе издание первого тома, а в 1924 году одновременно с первым томом издали его часть в виде отдельной брошюры "Христос или Рамзес? Попытка применения математической теории вероятностей к историческому предмету".

Седьмой том вышел тиражом всего в 1000 экземплярах, и распределялся только через спецраспределитель. Остались неизданными еще три тома по истории Востока и два тома по истории России. Причем то, что храниться сейчас в архиве РАН в фонде Н.А. Морозова, есть не полные копии этих работ, а лишь черновики. Экземпляры рукописей, подготовленные к изданию, загадочным образом исчезали у автора.

По словам самого Морозова в своих исторических трудах "...он старался наметить общими чертами возможность построения на развалинах старой истории новой исторической науки на революционных началах в связи с географией, геофизикой, политической экономией, историей материальной культуры и со всем вообще современным естествознанием".

Укоротив и теснее сплотив эпоху исторического культурного развития человечества, Морозов изобразил лестницу культуры, показывая, как непрерывно, ступень за ступенью, по его взглядам, без скачков и провалов, поколение за поколением, человечество подымалось все выше по пути к истинному познанию природы и ее законов умственному и материальному улучшению своей жизни.

Со временем Н.А. Морозову надоело бороться. Он говорил: "Мой товар от времени не портится. Придет время мой труд выйдет в полном объеме". А сам он занялся вопросами теоретической геофизики.

Его предсказание исполнилось. Сейчас мы можем спокойно издать его труды по истории. Правда, полностью восстановить пять не изданных томов нам вряд ли удастся. Но сегодня есть уже несколько научных групп, продолжающих его работы по согласованию исторической науки с естествознанием и обнаружению общих законов психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит постепенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей

С.И.Валянский

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

При переводе на наш язык памятников чуждой нам жизни главное затруднение состоит в том, чтобы найти такие слова, которые вызывали бы у читателей те же самые представления, какие были у автора, когда-то писавшего их, а это иногда очень трудно. Вот хотя бы слово «лес» на разных языках. У якута оно вызывает представление о скоплении в одной какой-либо местности *хвойных* деревьев, у египтянина и аравийца — о скоплении *пальм*, у итальянца — дубов и других *лиственных* деревьев.

Все это — представления совершенно различные, а потому и в переводах, если вы хотите, чтобы у читателя возникал при чтении слова *лес* тот же образ, какой был у автора данного рассказа, то вы должны говорить *определительно*: в якутском рассказе вы должны написать хвойный лес, у египтянина — пальмовый и т. д.

Точно также и слово *дерево*, и слово *дом*, и слово *изгородь* на разных языках имеют разные значения, судя по тому, какие там бывают самые обычные деревья и из какого материала и по какому плану строятся там обычно дома и изгороди. При простом рассказе мы не замечаем, что подставляем вместо авторских свои образы, но, в случае употребления таких слов в смысле символов или аллегорий, это иногда ставит нас в тупик; это так важно, что без определительного термина вы ничего не поймете в аллегории, если не живете в том же поколении и в той же местности, или не знаете их особенностей.

Таково, например, библейское сказание о том, что в раю росли рядом два дерева: дерево жизни и дерево познания. Смысл этого сказания объясняется лишь тогда, когда вы их представите *по-египетски* в виде двух стройных *пальм*, с вершин которых опускается к земле *зонты перистых листьев*. Они выросли как бы из одного плода и срослись внизу у корня, а вершины их отклонились друг от друга на $23\frac{1}{2}$ градуса. Первое дерево будет символизировать *земную ось*, определяющую своим вращением течение суток и представляемую как ствол пальмы, растущей на северном полюсе Земли. С вершины этой пальмы спускаются зонтом небесные меридианы с перистыми ответвлениями параллелей. Второе дерево — пальма, геоцентрически представляемое там же, это как бы ось эклиптики, сросшаяся внизу с первой пальмой, определяющая течение года и наклоненная к первой пальме (как я только-что сказал) на $23\frac{1}{2}^\circ$, и с таким же зонтом меридианов и параллелей, среди которых свил свое гнездо змий (теперь созвездие Дракона). Она названа деревом (т.-е. пальмой) познания потому, что ее открытие дало впервые возможность древним предсказывать небесные явления, благодаря чему люди сделались как боги, предузнающие по течению планет грядущее добро и зло. Отсюда начало астрологии.

Без таких представлений о «дереве» вы никогда не выясните себе ни места происхождения этой легенды, ни ее символическости. А усвоив эти представления, вы сейчас же поймете, почему под первой пальмой стоят на астрологических картах неба Адам и Ева в виде Цефея и Кассиопей, почему на вершине второй пальмы сидит змей-искуситель в виде созвездия Дракона и почему тут говорится, что одна из этих пальм «приносит плоды 12 раз в год, на каждый месяц свой особый плод».

Таким же образом, держась современного нам представления о небе, как о бездонном пространстве, в котором тут и там возникают и растворяются звезды, вы не поймете того места в «Деяниях Апо-

столов», где говорится, например, о скатерти, спустившейся с неба апостолу Петру, наполненной странными зверями, которых было велено ему съесть. А зная, что *небо* по представлениям древних было *куполом*, прикрытым голубою скатертью с изображениями на ней двух Медведиц, Скорпиона, Козерога, Драконов, Змей и всяких других животных, вы сразу понимаете, что дело тут идет о приказании Петру заниматься астрологией с прибавлением, чтобы он «не считал языческим то, что очистил сам бог-отец».

А легенда о том, как евангельский «учитель» накормил (и притом «воззрев на небо». Марк, 6, 21) пять тысяч своих слушателей двумя рыбами и пятью (а по другой версии: семью) хлебами?

Двух рыб вы, конечно, сейчас же и найдете там, куда он «воззрел», т.-е. на небе. Это созвездие двух Рыб. Ну, а где же там хлебы, которыми после насыщения слушающих еще наполнились 12 плетушек?

Если мы будем представлять себе древний хлеб (*ἄρτος*) в виде современных булок, а древние плетушки (*κοφίνοις*) в виде современных корзин, то, конечно, и тут мы ничего не поймем. Но припомним только церковные просфоры, эти пережитки старинной формы хлебов, и тогда мы легко себе представим, что ими символизированы здесь (как «хлебы предложения богу-отцу») пять (или по другому варианту *семь*) планет, а под 12 плетушками понимаются 12 знаков зодиака, прикрытых, как плетушками, координатной сетью. Дело здесь идет об астрологической лекции по поводу собрания семи планет в созвездии «Двух Рыб», и далее (в следующих томах) я покажу и год и день, когда было такое сочетание.

Точно так же эволюционировало с древнейших времен и учение о дѹхах. Первоисточниками их были различные запахи, а потому и духи разделялись на *чистых* (например, собирающихся вокруг цветущей розы) и на *нечистых*, слетающихся над нечистотами или входящих в кишечные каналы невоздержных людей

и вызывающих там боли. Только с этой точки зрения вы и можете себе представить их изгнание из людей евангельским «целителем», как легенду об его врачебном искусстве.

Точно так же и относительно стоящего в заголовке этой книги слова «Христос» вы не получите ясного представления, если не будете всегда помнить, что оно первоначально значило: «помазанник», «посвященник». Оно сократилось у нас в «священника» и приняло односторонний смысл исключительно духовного сана, между тем как первоначально имело смысл обычной царской власти, потому что цари в древний период христианства, как помазанники на царство, тоже имели звание *христов*. Обычно это помазание производилось лишь после прохождения определенного курса тогдашних наук, к которым допускались лишь избранные, и соответствовало нынешнему званию магистра или доктора (*magister, doctor*, т.-е. ученый). Именно *магистром* ученики и называют Иисуса в латинской версии Евангелий, обращаясь к нему.

Особенные трудности в этом отношении представляет слово *бог*, так как оно менялось по мере культурной эволюции у каждого народа особенно сильно.

Так, по коренному значению русского слова *бог* видно, что под ним наши предки понимали то, что мы теперь понимаем под словом богатырь, а богатырей, конечно, могло быть и много, отсюда и множественное число *боги*. По созвучию древне-арабского имени бога *Али* с греческим *Элос* — солнце — можно догадаться, что оно пришло в Аравию из *Греции*, и отец богов представлялся там в виде Солнца. По коренному значению латинского слова *деус* (*deus*) можно легко прийти к заключению, что во время возникновения этого имени верховный бог, т.-е. «бог богов», отождествлялся с днем, по-латыни *диес* (*dies* — имя света). Этот *диес* лишь слегка отличается по звуку от *деуса* древних итальянцев и от *Зевса* древних греков, тем более, что слово Зевс употребляется в греческом языке только в именительном падеже, а в родительном и остальных берется от

латинского корня *диес*. Почему этот *диес* — день — превратился у греков в именительном падеже в Зевса? Потому, что корень этого последнего слова есть *зао* (ζαω) — живу, и слово *Зевс* (или *Зёус*) значит *живый* и созвучно с *деусом* — *днем*.

Мы здесь видим, как понятие о свете некогда подменилось понятием о жизни, как об основном атрибуте божества. Благодаря неумению итальянцев произносить греческий звук *з*, произносившийся как польское *dz* в слове *dzén* (день), Зевс перешел обратно к римлянам под наименованием *Иёвиса* (*Jovis*). Из прибавления к нему слова *патер* (отец) вышло слово *Иёвис-патер*, сократившееся в *Ю-питер*, так как латиняне боялись употреблять полное имя Зевса-Громовержца всуе из опасения, что он поразит такого смельчака молнией. В несомненной лингвистической и идеологической связи с греко-италийским Зевсом стоит и библейское название бога *Иеве* (*ИЕУЕ*¹), т.-е. *Яве*, или, по неправильному теологическому произношению, *Иегова*.

Это имя, как и по-латыни, страшно было произносить целиком авторам Библии и Талмуда, и потому, аналогично латинскому его сокращению в *Иу*, произошло его сокращение то в *Иу*, то в *Ие*, то в *Ии*, то прямо в *И*. Все эти урезки мы и имеем в Библии, особенно в соединении с другими словами. Так, слово *Исаия*, вернее *Иса-Ие*, значит спасение *Иёвиса*, т.-е. по нынешнему произношению — *Иеговы*; слово *Иосиф* (= *Иу-Сфе*) значит зевсов кратер и т. д., и т. д. Можно сказать, что и слово *И-Исус* значит в переводе бог-спаситель, аналогично тому, как *Юпитер*, или лучше *Ю-патер*, значит бог-отец.

Однако, правильны ли оба эти перевода? Конечно, нет.

Под словом бог-отец у меня, да, вероятно, и у вас, если вы вышли из христианской семьи, невольно возникает современное христианское представление о боготце как о части какой-то троицы, совершенно непохо-

¹ Звательный падеж от *Jovis*.

жее на латинского Юпитера. Было бы вернее перевести латино-еврейское слово Иёвис как «отец богов». Точно также и при переводе еврейского слова И-Исус (И-ИШЕ) значением *бог-спаситель* я придал слову *бог* не то значение, в каком употребляли его авторы и читатели евангельских времен.

Выходит нечто в роде того, как если б я захотел вам сыграть симфонию Бетховена на пианино, у которого две — три основные ноты в доминирующих аккордах изменили свой звук от времени. Я ударяю по клавише *ре*, а у меня выскакивает *си-бемоль*; я ударяю по клавише *си*, а вместо того звучит *ре-диез*. Вместо симфонии выходит какофония, или, во всяком случае, не то, что было у Бетховена.

Как выйти из этого затруднения? Перестроить слово *бог* на старый лад невозможно: оно потеряет тогда свое современное значение. Не остается другого средства, как заменять его при переводе древних книг каким-либо подходящим суррогатом всякий раз, когда оно употребляется в единственном числе, потому что во множественном слово *боги* мало изменило свое значение.

Но подыскать суррогат здесь очень трудно, потому что это слово и в древности не имело неизменного значения. Оно эволюционировало или употреблялось даже и сразу в различных смыслах, как и слово *человек*. Мы находим его то в смысле существа, не имеющего себе подобных, то в смысле существа, имеющего себе подобных. В первом случае его пишут с большой буквы, во втором — с малой, но это не дает еще ни малейшей возможности показать читателю, что и греческий Зевс, и латинский Иёвис-отец (Ю-патер), и библейский Иеве (или Ю) один и тот же бог, представлявшийся тогдашним людям летучим волшебником-богатырем, имевшим чисто человеческую психику, хотя и способным принимать какие угодно другие внешние виды или даже делаться невидимым.

Как на современном языке выразить все это? Употреблять всегда описательные выражения при пере-